

Сначала Шэнь Тинюань действовал невероятно осторожно, едва ли не трепетно.

И пусть в фантазиях он давно сорвался с цепи: целовал Вэнь Цинлиня до немоты в губах, до спертого дыхания, до прозрачных капель, невольно стекающих по изящной линии подбородка...

...наяву Шэнь Тинюань лишь едва касался его губ своими, позволяя им скользить в невесомой ласке.

Впрочем, даже этого хватало, чтобы довести его до грани безумия.

Одной мысли о том, что он целует Вэнь Цинлиня — человека, которым тайком грезил, за которым десять лет наблюдал из тени и благоговел перед ним, точно перед божеством, — было достаточно, чтобы лишить Шэнь Тинюаня рассудка.

Сама эта дерзость опьяняла, заставляя кровь закипать.

Чистое, почти молитвенное блаженство, наполнявшее душу, не с чем было сравнить.

К тому же... губы Цинлиня оказались чудовищно, невероятно мягкими — куда мягче, чем Шэнь Тинюань смел вообразить.

Внешне они казались тонкими и строгими, под стать самому художнику, чей вид всегда отпугивал чужаков своей прохладной отстраненностью. Но стоит прикоснуться к ним, как понимаешь: эта тонкая линия таит неожиданную, влажную нежность.

«Об этом контрасте знаю только я, — промелькнуло в голове у Шэнь Тинюаня. — Только мне позволено пригубить эту сладость. Только мне».

От этой мысли дыхание сбилось, стало тяжелым и рваным. Захотелось большего, нестерпимо большего.

С той самой секунды, как их губы соприкоснулись, Шэнь Тинюань зажмурился, не смея встретиться с Цинлинем взглядом. Говорят, глаза — зеркало души, а пускать Цинлиня к себе в душу он боялся.

Но сейчас, невольно усиливая нажим, Шэнь Тинюань страстно пожелал распахнуть веки и увидеть, каков Вэнь Цинлинь во время поцелуя.

Безумная жажда вновь вступила в бой с хрупким рассудком.

Но прежде чем этот поединок успел завершиться, Шэнь Тинюань ощутил легкое, едва ощутимое прикосновение: Вэнь Цинлинь проводил кончиком языка по его сжатым губам.

Движение было настолько мимолетным, что казалось мороком.

И все же этого хватило. Страсть, которую он так долго удерживал в узде, вспыхнула подобно сухому пороху и в мгновение ока обратила остатки благоразумия в пепел.

Шэнь Тинюань распахнул глаза.

И тут же натолкнулся на пристальный взор Вэнь Цинлиня. В его чуть приподнятых к вискам глазах стояла поволока страсти, но за ней проглядывал дерзкий, издевательский вызов.

Не сводя с него глаз, художник снова чуть высунул кончик языка и скользнул им между губ Шэнь Тинюаня. Все так же невесомо, будто пером, но на этот раз нарочито медленно, тщательно, словно смакуя каждую щелочку...

Рука Шэнь Тинюаня, дотоле осторожно покоившаяся на узком плече Цинлиня, судорожно сжалась. Терпение рухнуло. Сняв последние остатки самоконтроля, он с неистовой силой разжал его зубы и ворвался внутрь.

Из горла Вэнь Цинлиня вырвался прерывистый, сорвавшийся вздох, подействовавший на Шэнь Тинюаня подобно сильнейшему яду.

Он властно завладел его ртом, сминал и жадно пил его дыхание, лишая воздуха. А главное — сплелся языком с его языком, точно так же, как переделывал это в своих мечтах тысячи раз. Какая уж тут техника: дикая, годами копившаяся жажда опьяняла лучше любого искусства.

Этот поцелуй был обжигающим, податливым и вместе с тем чутко откликающимся. Он задевал самые глубокие струны души, заставляя всю нервную систему трепетать от наивысшего наслаждения.

Вэнь Цинлинь отвечал не слишком пылко, но невероятно точно, балансируя на грани между снисхождением и откровенным наслаждением.

За бамбуковой ширмой кипела жизнь: слышался стук посуды, оживленный гомон и протяжная хайчэнская речь, проникавшая сквозь резные щели. Там царил шумящий, будничныи мир.

Здесь же, в укромном уголке заведения, скрытом от чужих глаз, два высоких мужчины слились в страстном, неистовом поцелуе.

В какой-то момент кто-то из них неосторожно задел чашку. Фиалковая керамика со звонким

хрустом разлетелась по полу.

Но звука никто не заметил — его моментально поглотило их горячее, сбивчивое дыхание.

Густая, сладостная, мутнеющая от желания атмосфера незаметно просачивалась сквозь ширму, сталкивалась с ресторанным шумом и растворялась в нем, но сам воздух вокруг них будто раскалился до предела.

Сколько это продолжалось, сказать было трудно, но в конце концов нехватка кислорода заставила их остановиться.

Вэнь Цинлинь поставил точку в этом бесконечном поцелуе неожиданно: ощутило прикусил нижнюю губу Шэнь Тинюаня — дерзко, по-мужски, утверждающе.

Из уголка губы Шэнь Тинюаня тут же проступила алая капля крови. Она выглядела невероятно ярко на побледневшей коже.

Вэнь Цинлинь пару секунд молча разглядывал результат и удовлетворенно вскинул бровь: работа явно пришлась ему по душе.

Но в следующий миг Шэнь Тинюань вновь подался вперед.

Его губы накрыли губы Цинлиня — правда, лишь на короткое мгновение.

Он лишь мазнул выступающей кровью по его влажным, разругавшимся губам.

Алый след на фарфорово-белой коже выглядел ослепительно. И этот контраст придал обычно высокомерному, прохладно-отстраненному лицу Вэнь Цинлиня непривычные, почти порочные черты.

Перехватив изумленный взгляд художника, Шэнь Тинюань в тон ему приподнял бровь и усмехнулся. В этой улыбке не осталось и следа от его привычного благородства и сдержанной мягкости — в ней сквозило чистое, ничем не прикрытое лукавство.

<http://bllate.org/book/20550/2140597>